

УДК 821.161.1-341

АРТУР САДЕЦКИЙ

(Люблин, Польща)

ИРОНИЯ В РОМАНЕ «ОБЛОМОВ»

И.А. ГОНЧАРОВА

Ключові слова: комізм, іронія, об'єкт, свідок.

Не надо научных диссертаций, которые доказывают талант писателя; пусть говорят его произведения – так, перифразируя, можно пересказать известные слова Горация из стихотворения «Ehgi monumentum». О Гончарове лучше всего говорит первая страница его великого романа. И даже если мысль описываемого там главного героя «гуляла вольной птицей по лицу», а потом «совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный цвет беспечности» [1, с. 3], то все-таки роман принадлежит к величайшим достижениям русской литературы.

©А. Садецкий, 2012

Мы намеренно начинаем нашу статью с описания первой ситуации произведения, так как она обнаруживает один из главных литературных приемов Гончарова, присутствие которого почти до последней страницы придает особенный характер роману. Итак, перо автора «улыбается» читателю, т. е. мы замечаем присутствие комизма на различных уровнях структуры произведения. Подчеркнуть этот факт важно, потому что роман не принадлежит к числу «развлекательных» произведений; в основном психологический и философски-бытовой, он скрывает многие юмористические краски, разборчивость которых зависит от вкуса и чуткости читателя. Поскольку вопрос чувства юмора очень индивидуален, мы обратимся к структуре произведения, попробуем проанализировать авторские принципы строения комизма и выяснить их функции.

Несомненно, юмор в таком романе далек от чисто развлекательных функций, отсутствует здесь и тесная связь со смыслом произведения (как, например, в сатире). Комизм влияет на значение романа, но его задачи другие, чем только высмеивать разные пороки. Идейный смысл «Обломова» неоднозначен (В.Н. Криволапов замечает: «Обломов – едва ли не самый загадочный и необъясненный герой в русской литературе» [4, с. 27]), критики спорят друг с другом, их оценки противоположны. Общее в их выводах то, что роман показывает трагизм героя, который не способен жить в изменяющейся общественной ситуации, когда время требует активности. В нашей работе попытаемся доказать, что, учитывая комическую парадигму, можно также предложить связный, убедительный способ интерпретации романа Гончарова.

«Обломов» состоит из четырех частей. Иногда исследователи, по идейным принципам, выделяют в нем две части [4, с. 27]. Мы считаем самым важным показать портрет заглавного героя, так как его судьба является доминантой с первой по последнюю страницу (других героев мы также рассматриваем «в контексте» судьбы Ильи Ильича). Поэтому мы выделяем в романе три части, что связано с проявлениями комизма, а прежде всего – иронии, с помощью которой повествователь описывает Обломова. Итак, наша первая часть совпадает с первым отрывком романа, вторая – тоже соответствует авторскому делению произведения; последний элемент нашей «сатирической триады» объединяет две остальные части романа, которые соединяются по смыслу высказываний повествователя.

Автор использует богатый репертуар возможностей, предоставляемых комизмом; главным образом он оперирует иронией (по словам К. Цеслика, чаще всего встречаемым компонентом сатиры [8, с. 70]). Термин «ирония» по объему необычайно широк: «с мягкого юмора, по гротеск» [10, с. 87]. Эффекты его присутствия в литературе тоже разнообразны: как улыбка, смех, радость, так и разочарование, горькое размышление, печаль. Гончаров мастерски распознал возможности этого приема, его соответствие общей стилистике романа (так как ирония всегда погружена внутри слов) и даже развил его потенциал.

Первая часть «Обломова» является широкой экспозицией, в которой показана жизнь главного героя, его прошлое в форме сна и мир близких ему ценностей. «Жизнь» на самом деле является отсутствием этой жизни, потому что Илья Ильич лежит в своей комнате, способный только говорить и мечтать. Вся эта часть пропитана маленькими юмористическими элементами. Их художественная сила в том, что они воздействуют на читателя двояким образом: в момент, когда впервые появляются в определенной ситуации, и потом, когда выступают как фрагменты целого. Среди них можно выделить сатирическое представление места действия, полного пыли, в котором отсутствуют мысль и забота, од-

нако есть чернильница – «если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха» [1, с. 5]. Далее – комизм героев: ленивый и угрюмый Захар, или Алексеев, фамилию которого, кроме него самого, знает лишь только Обломов. Появляются сатирические элементы в диалогах:

«– Ну, еще кому [надо заплатить]? – говорил Илья Ильич (...).

– Еще сто двадцать один рубль восемнадцать копеек хлебнику да зеленщику.

– Это разорение! Это ни на что не похоже! – говорил Обломов, выходя из себя. – Что ты, корова, что ли, чтоб столько зелени сжевать...» [1, с. 78].

Есть также комизм ситуации:

«– Где платок? Нету платка! – говорил Захар, разводя руками и озираясь во все углы. – Да вон он, – вдруг сердито захрипел он, – под вами! Вон конец торчит. Сами лежите на нем, а спрашиваете платка!» [1, с. 9].

Весь представленный мир пропитан мягким юмором, однако другой, более важный смысл появляется тогда, когда Обломов уже раскрывает тайны своего ума и души. Сколько тогда противоречий в том, кем считает себя герой, и кем является на самом деле: с одной стороны – это «великий» человек, но у него проблема хотя бы в том, чтобы встать с кровати. С другой стороны, – обстановка, в которой находится Обломов, влияет на то, что даже серьезные и важные мысли героя звучат иронически. Илья говорит Пенкину: «Протяните руку падшему человеку, чтоб поднять его, или горько плачьте над ним (...). Любите его, помните в нем самого себя» [1, с. 25]. Можно сказать: «высокие» слова человека в диковинном халате. Обломов понимает бесчувственный мир служащих, наблюдает некую пустоту быстрой общительной жизни Волкова, но при этом думает, что «лежит вот тут, сохраняя свое человеческое достоинство и свой покой» [1, с. 18]. Илья Ильич попал в заколдованный круг или, по словам В.И. Холкина [7, с. 30], создал для себя театр. Метафора театра четко указывает положение героя; действительно, – его диван стоит в центре событий, как на сцене, но сам театр и зрители полностью нарушают достоинство этого места. М.В. Отрадин пишет: «... в тех случаях, когда Обломов мыслит о себе сословно – «барынь», не «другой» – он смешон и жалок» [5, с. 6]. Прежде всего – смешон. Если герой построил свою жизнь таким образом, что может сохранить желанный «покой» – в этом нет жалких элементов. Однако есть два случая, в которых Илью Ильича можно считать жалким. Его известное: «Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава Богу!» [1, с. 88], ставит его в прямую зависимость от Захара. И в другой раз, когда ищет помощи относительно своего имени у мошенника Тарантьева, Обломов показывает свою незащитность.

В первой части рассказчик описывает детство Обломова, вследствие чего намекает потом, что взрослый герой мешающие ему жить в современном обществе черты характера унаследовал именно в родной деревне. Тем самым не удивляет то, что история воспитания Ильюши почти фарсовая на фабульном уровне [9, с. 59]. Наступает там «ироническое освещение бытовых подробностей жизни» [5, с. 4], даются описания людей, которые заботятся о низких потребностях, верят легендам, погружаются в апатию, отвергают новшество, признают собаку «бешеною потому только, что она бросилась от людей прочь, когда на нее собрались с вилами и топорами» [1, с. 103] и, наконец, которые удивляются просьбе знакомого прислать рецепт пива и собираются решить это таким образом, что «неизвестно, дождался ли Филипп Матвеевич рецепта» [1, с. 131].

В общем, каковы оттенки комизма в первой части? В основном – это полный иронии образ героя, который живет как бы вне общественной системы. Ирония иногда приближается к гротеску (вторжения Захара), а комизм только внешне

кажется простым; в иронии Гончарова нет осуждения, лишь небольшое присутствие грусти; можно полагать, что автор все-таки «любит» своего героя. Если учитывать, что образ Ильи Ильича наполнен автобиографическими чертами, тогда вообще не удивляет юмор в этом описании, так как сам Гончаров говорил о себе «принц де Лень» [6, с. 55]. Но так как это не литературная аксиома, мы приводим этот факт с целью доказать чувство юмора автора, показать, что в иронии есть место для «доброжелательных» красок.

Вторая часть романа приносит новые события и новые сатирические элементы. Самое важное – вторжение Штольца, который смотрел на очередной комический разговор Ильи с Захаром и все время «продолжал покатываться со смеха» [1, с. 146]. Это совсем новый элемент: герой видит и понимает смысл поведения Обломова по отношению к Захару. Он смеется – таким образом как бы выполняет роль образцового читателя (больше об этом термине см. У. Эко), который проникает вглубь слов и находит их правильную интерпретацию. К тому же Штолец сам начинает пользоваться орудиями комизма: шутит, смеется над Обломовым, употребляет иронию и сарказм, разоблачая Илью и созданный им театр. Итак, Андрей уменьшает роль проблем Обломова, которые являются пустым отказом от настоящей жизни:

«– А что, болен? – спросил заботливо Штолец.

– Ячмени одолели: только на той неделе один сошел с правого глаза, а теперь вот садится другой.

Штолец засмеялся.

– Только? – спросил он. – Это ты наспал себе» [1, с. 160].

Он высмеивает и страх Обломова, связанный с ответственностью за Обломовку, так как самая важная проблема заключается в том, чтобы встать с кровати. В дальнейшем: Штолец обращает внимание на обстановку:

«– Что это на тебе один чулок нитяный, а другой бумажный? – вдруг заметил он, показывая на ноги Обломова. – Да и рубашка наизнанку надета?» [1, с. 165].

Поэтому и герой в момент, когда услышал признание Захара, что Илья – это «барынь», «закатился хохотом» [1, с. 171]. Имеет место параллельная ситуация, как в первой части романа: структура противоречий вызывает то, что даже серьезные размышления Обломова или его положительные мечты о семье звучат иронически. Штолец все это замечает и комментирует («ты философ, Илья! Все хлопочут, только тебе ничего не нужно!» [1, с. 169] или «Да ты поэт, Илья!» [1, с. 172]), однако Обломов не чувствует никаких шутливых оттенков. Надо заметить, что смех Штольца тоже не является злобным, правда, он разоблачает Илью, но по-дружески, с целью помочь ему. Е.Ф. Ляцкий констатирует, что Гончаров относится с иронией к Обломову, но никогда не говорит так об Андрее [6, с. 65] (ирония автора дальше «доброжелательна», возможные элементы осуждения смягчаются высокими моральными качествами Ильи). Слова ученого приводят к трем главным тезисам, относящимся к роли комизма в произведении. Во-первых, герои, которые отличаются определенными пороками, но начерченные с юмором, без резкой сатиры (Обломов, Захар), – более сложны в оценке. Во-вторых, тех, кто в произведении показан с юмором, отличает отсутствие осознания собственного комизма. И в-третьих, герои, которые отличаются лучшими моральными или умственными качествами, образы которых вполне положительны, показаны серьезно. Они, что самое важное, способны увидеть и понять как свидетели комические элементы в поведении других. Таков Штолец, такова и Ольга Ильинская.

О женщине интересно пишет В. Кантор: «Она же классический вариант духоводительницы, русской Беатриче, за которой следом пытается взобраться на горные выси грешный мужчина» [3, с. 178]. Определению В. Кантора отвечает место Ольги в юмористической структуре романа; она находится выше Обломова, смеется над ним, а ирония повествователя не касается ее никогда. Героиня вводит в роман новый элемент комизма: сарказм, при помощи которого пытается разбудить самолюбие Обломова:

«– Разве у вас есть тайны? – спросила она. – Может быть, преступления? – прибавила она, смеясь и отодвигаясь от него.

– Может быть, – вздохнув, отвечал он.

– Да, это важное преступление, – сказала она робко и тихо, – надевать разные чулки» [1, с. 192].

По нашему мнению, самое высокое проявление комизма в романе – это момент, когда Захар сообщает Обломову о разговоре именно с Ольгой:

«– Спрашивали, где вы обедали вчера.

– Ну?..

– Я сказал, что дома, и ужинали, мол, дома. «А разве он ужинает?» – спрашивает барышня-то. Двух цыпят, мол, только скушали...

– Дур-р-р-ак! – крепко произнес Обломов.

– Что за дурак! Разве это неправда? – сказал Захар. – Вон я и кости, пожалуй, покажу...

– Право, дурак! – повторил Обломов. – Ну, что ж она?

– Усмехнулись. «Что ж так мало?» – примолвили после (...)» [1, с. 223].

В диалоге виден и смешной Обломов (в очередном противопоставлении: барин – лакомка), и искренний, но как-то неуклюжий Захар, и блестящая, остроумная Ольга. Когда рождается чувство между героями, рассказчик замечает: «В этой комедии или трагедии, смотря по обстоятельствам, оба действующие лица являются почти всегда с одинаковым характером: мучителя или мучительницы и жертвы» [1, с. 226]. В этой части имеем дело скорее с комедией: Илья, не до конца по своей воле, снова ставит себя в ироническое положение, – ведь мучительницей и доминирующей стороной является женщина. Обломов смешон в своем незащитном достоинстве (Ольга знает все о жизни героя, благодаря Штольцу и... Захару!), ироничен в трудной, но сладкой службе своей любимой («Иногда только соберется он зевнуть, откроет рот – его поражает ее изумленный взгляд: он мгновенно сомкнет рот, так что зубы стукнут» [1, с. 234]) или в своей слезливой сентиментальности («Есть ли у ней слезы на глазах?» [1, с. 278]). Но по этому поводу исследователь А. Горелов замечает: «Перед нами как бы все необходимое для фарса, для комедийного обыгрывания. Но огромный мастер [Гончаров] все переправил в золото чистейшей поэзии, серьезной, глубокой и чистой» [2, с. 302]. Действительно, когда начинается второй этап развития союза героев, когда сознательно укрепляется взаимное чувство, впервые Илья указан всерьез: появляются и забота, и обязанность, и глубокие размышления. Редкую теперь улыбку автора А. Горелов объясняет художественным чутьем и талантом автора. Да, но главное – отсутствие иронии выполняет отличающую функцию: теперь Илья приближается к образцу положительного героя эпохи, и рассказчик начинает относиться к нему, как к Ольге или Штольцу.

Во второй части комизм, в основном, переходит от повествователя к героям, которые применяют иронические и саркастические средства. Обломов в дальнейшем представлен с иронией, но возможные положительные изменения в его

жизни приводят к тому, что автор почти «прощает» ему прошлые вины. Может быть, Илья еще не свидетель, но, наверное, не объект авторского комизма.

Третья и четвертая части романа объединяются, создавая картину, полную горькой иронии. Главный герой не забывает о прошлом, оказывается, что отказ от лени был эфемерным; страдает Ольга, которая в конце станет женой Штольца, а Илья до последних дней жизни свяжется со своей новой хозяйкой – Агафьей Пшеницыной. Облик иронии меняется, и Обломов почти всегда уже жалок: когда притворяется, будто болеет, или чувствует облегчение после того, как замерзает Нева, и он не может встречаться с Ольгой. Ленъ побеждает, и Ольга бросает Илью: у нее не хватает сил. Именно поэтому Обломов жалок; трагический крут противоречий (любит, но не хочет даже смотреть на свою невесту) теперь осложняется страданием другого человека, в котором виновен только Илья. Ольга не мучительница – это уже роль Обломова, которая ведет к трагедии.

Союз с Пшеницыной ироничен, смотря на контраст Ольга – Агафья. Штолец, увидев Пшеницыну, задумывается: «Что она, дура или плутовка» [1, с. 430]. И, кажется, прежде всего он выбрал бы первое определение, но не наше дело осуждать умственные качества героини, только показать, что автор ставит ее ниже Ильинской. Агафья не пытается оживить Илью (а как раз наоборот), она не так красива и интересна, как Ольга. А. Горелов пишет: «Вторжение Пшеницыной – разоблачение и осмеяние Обломова в его самом заветном, в его мечтах о прекрасной женщине» [2, с. 312]. По сравнению с красотой Ольги увлечение Обломова новой хозяйкой (скажем: определенным «элементом» тела хозяйки) немножко саркастично: «Чиновница, а локти хоть бы графине какой-нибудь; еще с ямочками!» [1, с. 297]. Почему «элемент»? Ответ дает В. Кантор: «Обломов воспринимает свою хозяйку как «предмет домашнего обихода»» [3, с. 180]. Любовная интрига именно теперь приближается к фарсу, которого не было в союзе Ильи с Ольгой.

Сладкая дремота доводит до карикатурного изображения Обломова в конце романа:

«Да, выпей Андрей, право, выпей: славная водка! Ольга Сергеевна тебе этакой не сделает! – говорил он [Обломов] нетвердо. – Она споет *Casta diva*, а водки сделать не умеет так! И пирога такого с цыплятами и грибами не сделает! Так пекли только, бывало, в Обломовке да вот здесь! И что еще хорошо, так это то, что не повар: тот Бог знает какими руками заправляет пирог, а Агафья Матвевна – сама опрятность.

Штолец слушал внимательно, наострив уши.

– А руки-то у нее были белые, – продолжал значительно отуманенный вином Обломов, – поцеловать не грех! (...) Славная баба Агафья Матвевна!» [1, с. 428].

Сама хозяйка, однако, не является однозначно отрицательным героем, о чем свидетельствует и теплая ирония, с которой иногда рассказчик обращается к ней (например, когда Пшеницына застенчиво говорит с Ильей и одновременно решительно продает кому-то петуха), или полное отсутствие комических средств в момент заботы о больном Обломове, а также молитвы и страдания после его смерти. Оценка Агафьи, как и Ильи, неоднозначна. Удивляет только один элемент. А. Горелов замечает: «Обломов возражал против грубого смеха и злости в искусстве (...). Гончаров ничем не нарушил эстетического требования своего героя (...)» [2, с. 298]. Однако один раз автор все-таки грубо смеется над Агафьей, описывая момент поцелуя, когда она стоит «прямо и неподвижно, как лошадь, на которую надевают хомут» [1, с. 378]. Удивляет резкое, гротескное

сравнение женщины с животным; Гончаров употребляет новый сатирический прием, но так как он не повторяется, нельзя придавать ему особого значения в оценке Пшеницыной. В итоге можно сказать: рядом с Агафьей гибнет активное начало в Обломове, но ее забота дает ему излюбленный покой жизни.

Союз Андрея и Ольги лишен юмористических элементов, т.е. эти герои не являются объектами комизма. Можно полагать, что автор таким образом подчеркивает их положительную оценку.

Мы обратимся еще к Захару. Следует выделить его личность, так как образу героя Гончаров придает исключительный в произведении, вполне развлекательный характер. Почти нет ситуаций, в которые присутствие Захара не вносит юмористических оттенков. Конечно, в основе концепции героя тоже лежит противоречие: слуга, который лениво и иногда неохотно служит своему «барыню», раб, прямая зависимость от которого превращает его господина тоже в настоящего раба. Рассказчик подчеркивает, что Захар положителен из-за своей преданности Илье, и это является доказательством, что его ироническое представление во всем романе сопровождается все-таки теплыми чувствами Гончарова. Само представление Захара, действительно, очень разнообразно: юмор проникает в каждую сферу его жизни. Это начинается уже с описания героя: «(...) видна была только одна необъятная бакенбарда, из которой так и ждешь, что вылетят две-три птицы» [1, с. 9]. Сжатую характеристику Захара приводит сам рассказчик в отдельной главе:

«Слуга старого времени удерживал, бывало, барина от расточительности и невоздержания, а Захар сам любил выпить с приятелями на барский счет; прежний слуга был целомудрен, как евнух, а этот все бегал к куме подозрительного свойства. Тот крепче всякого сундука собережет барские деньги, а Захар норовит исчитать у барина при какой-нибудь издержке гривенник и непременно присвоит себе лежащую на столе медную гривну (...)» [1, с. 64].

Мы можем также узнать о том, что Захар любит «обругать барина при всяком удобном случае» [1, с. 65]; он неловок, роняет посуду, которую несет и, если это случится, «иногда с бранью и проклятиями бросит сам и последнее, что осталось в руках» [1, с. 65]; или, «не дай Бог, когда Захар воспламенится усердием угодить барину и вздумает все убрать, вычистить (...); бедам и убыткам не бывает конца (...)» [1, с. 66]. При Захаре не удивляют также сравнения с животными: «(...) зарыдал, как медведь, но не шел» [1, с. 50]. Диалоги слуги с Обломовым полны яркой сатиры. Самым лучшим примером являются упреки Ильи, не влияющие на поведение Захара по мере того, как Обломов не употребляет «жалких» слов (например, «ядовитый»). Интересно, что отношения этих двух героев сильнее влияют на Илью; сатирическая «оболочка» Захара слишком крепкая и воздействует на Обломова, который становится более смешным (Штольц впервые смеется, услышав очередной диалог двух лентяев).

Женой Захара стала Анисья, которая тоже прислуживает Обломову. Хотя она выступает эпизодически, автор придал ей особые краски, так как она является и объектом, и свидетелем комизма. Она смешна, когда лжет с целью успокоить барина, но, с другой стороны, – хотя открыто не смеется над Захаром, – она замечает все малейшие пороки своего мужа и помогает ему, несмотря на препятствия:

«– Да ты, Захар Трофимич, – начала Анисья, вдруг взглянув из другой комнаты, – напрасно сначала метешь пол, а потом со столов сметаешь; пыль-то опять и насыдет... Ты бы прежде... (...)»

– Ну, ну, ну! – закричал он, замахиваясь на нее локтем в грудь.

Она усмехнулась и спряталась» [1, с. 207].

Эти препятствия – это, конечно, гротескная злость Захара. Здесь можно заметить некую параллель с Обломовым: Аниस्या, как Ольга, умнее своего партнера, но Илья не пытался решить свою проблему с помощью локтя.

Оценка героев сложна еще потому, что Гончаров в конце романа последний раз играет комическими средствами – теперь они вообще исчезают. Смерть Ильи воспринимается как грустное, тяжелое событие; Захар, хотя как нищий еще обманывает людей («Милосердные господа! – захрипел он. – Помогите бедному, увечному в тридцати сражениях, престарелому воину...» [1, с. 481]), очевидно страдает: нет ему места без своего барина. Во всем романе автор сопровождал Обломова «невидимой слезой» [2, с. 298], и последние сцены наглядно это показывают. Прав В. Кантор, говоря: «... мне он [Обломов] кажется трагическим героем, изображенным иронически, хотя с горькой иронией, возможно, даже с любовью» [3, с. 152]. Структура противоречий в романе таким образом приобретает еще один оттенок: грустное предвестие трагедии. Трудно оценить Илью, потому что он все-таки положителен (Гончаров сказал: «может быть, мои идеалы и стремления покажутся смешны, как, например, смешон Обломов, но они честны и искренны, как он же» [6, с. 58]), так что остается сказать: **комические средства не служат прямому осуждению героя, не осуждают и времени, описываемого в произведении. Весь набор определенных стилистических средств служит тому, чтобы показать печальную и трагическую непригодность человека другой эпохи к реальной, современной ему действительности.** Убедительными кажутся слова В.И. Холкина: «Обломов, отстаивающий свой обычай чувств, свой лад жизни и свой устав мысли; Обломов, избегающий (...) наставлений, советов и напутствий, что обступают или теснят, стремясь, вразумив, изменить его – нелепого ленивца и мечтательного лежебоку, – Обломов такой близок Дон Кихоту, князю Мышкину или Марку Аврелию (...)» [7, с. 26].

И.А. Гончаров в своем романе широко использует комические элементы. Языковые средства (прежде всего сравнения), образы героев и их отношения, сюжетные повороты – нет структур, в которых отсутствует скрытая улыбка автора. Оттенки комизма – разные: чисто развлекательные и приводящие к размышлениям; ирония – мягкая, но иногда даже гротескная, которая, вдобавок, иначе воздействует во время первой встречи с текстом, чем после всего прочтения. Юмор в романе служит и тому, чтобы подчеркивать разные противоречия действительности, а затем – непригодность человека к жизни, и тому, что автор может поделиться с читателем своей симпатией к героям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гончаров И. А. Обломов / И. А. Гончаров – Л. : Худож. лит., 1975. – 486 с.
2. Горелов А. Е. Очерки о русских писателях / А. Е. Горелов – Л. : Сов. писатель. – 1964. – 380 с.
3. Кантор В. Долгий навыв к сну (размышления о романе И. А. Гончарова «Обломов» / В. Кантор // Вопросы литературы. – 1989 – № 1. – С. 149–185.
4. Криволапов В. Н. Еще раз об «обломовщине» / В. Н. Криволапов // Русская литература – 1994. – № 2. – С. 27–48.
5. Отрадин М. В. «Сон Обломова» как художественное целое (некоторые предварительные замечания) / М. В. Отрадин // Русская литература. – 1992. – № 1. – С. 3–17.
6. Романова А. В. В тени Обломова (автор и герой в сознании читателя) / А.В. Романова // Русская литература – 2002. – № 3. – С. 53–70.

7. Холкин В. И. Русский человек Обломов / В. И. Холкин // Русская литература. – 2000. – № 2. – С. 26–63.
8. Cieślík K. Satyra w prozie Iwana Bunina. Satyra w literaturach wschodniosłowiańskich / Cieślík K. ; [pod red. Wandy Supy]. – T. 2.- Białystok 1998. – P. 69–76.
9. Chałacińska-Wiertelak H. Культурный код в литературном произведении. Интерпретации художественных текстов русской литературы XIX и XX веков / Chałacińska-Wiertelak H. – Poznań, 2002 UAM. – 237 с.
10. Zbyrowski Z. Poemat satyryczny w poezji rosyjskiej / Zbyrowski Z. // Satyra w literaturach wschodniosłowiańskich; [pod red. Wandy Supy]. – T. 1. – Białystok 1993. – P. 81–96.

АРТУР САДЕЦКИЙ

ИРОНИЯ В РОМАНЕ «ОБЛОМОВ» И.А. ГОНЧАРОВА

Статья посвящена анализу комических элементов в образах героев романа «Обломов» И.А. Гончарова. В работе показано, что комические средства не служат прямому осуждению героя, не осуждают и время, описанное в произведении. Весь набор определенных стилистических средств служит тому, чтобы показать печальную и трагическую непри приспособленность человека другой эпохи к реальной, современной ему действительности.

Ключевые слова: комизм, ирония, объект, свидетель.

ARTUR SADECKI

IRONY IN THE NOVEL «OBLMOV» BY I. GONCHAROV

The article aims to analyse the elements of comedy in the images of characters in Oblomov by I. Goncharov. It is shown that the comic does not serve as a means of direct condemnation of the hero, not condemned, and the time in the product description. The entire set of specific stylistic means serves to show the sad and tragic inability of a man of another era to a real, contemporary reality.

Key words: comedy, irony, object, witness.

Одержано 22.12.2011 р.